

Юсупова Альфия Шавкетовна

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА

В статье исследуется диалектная лексика, которая зафиксирована в двуязычных словарях татарского языка XIX века. Наличие диалектальных слов в словарях свидетельствует о том, что они были адресованы народам разных областей, и что этими словарями могли пользоваться представители различных диалектов и говоров. В XIX веке только начинали формироваться границы распространения диалектов, некоторые слова были зафиксированы в рукописных словарях, именно их и могли рассматривать авторы. Диалектальные слова, зафиксированные в татарско-русских словарях XIX века, активизируют единицы местных говоров и увеличивают богатство литературного языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/10/61.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (65). С. 186-192. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

1. Дорощеев А. Ю., Филатов В. В., Диаров А. А., Женжебир В. Н. Анализ управленческих проблем, возникающих в экспертной деятельности при осуществлении *due diligence* – комплексной методики управленческого консалтинга // Современные гуманитарные исследования. 2010. Вып. 4 (35). С. 15-18.
2. Дорощеев А. Ю., Филатов В. В., Диаров А. А., Женжебир В. Н. Расстановка приоритетов в оперативном управлении при осуществлении *due diligence* – комплексной методики управленческого консалтинга // Актуальные проблемы современной науки. 2010. Вып. 4 (54). С. 16-18.
3. Дорощеев А. Ю., Филатов В. В., Диаров А. А., Женжебир В. Н. Требования к структуре *due diligence* - комплексной методике управленческого консалтинга // Аспекты современной науки. 2010. Вып. 2 (02). С. 8-12.
4. Дорощеев А. Ю., Филатов В. В., Диаров А. А., Пшава Т. С. Факторный анализ управленческих процессов // Аспирант и соискатель. 2010. Вып. 4 (58). С. 14-16.
5. Дорощеев А. Ю., Филатов В. В., Женжебир В. Н., Диаров А. А. Критерии оценки системы показателей коммерческой организации с позиции стратегического менеджмента // Аспекты современной науки. 2010. Вып. 1 (01). С. 5-8.
6. Дорощеев А. Ю., Филатов В. В., Женжебир В. Н., Диаров А. А. Оценка персонала в рамках процедуры *due diligence* – комплексной методики управленческого консалтинга // Мир современной науки. 2010. Вып. 1 (01). С. 25-28.
7. Дорощеев А. Ю., Филатов В. В., Женжебир В. Н., Диаров А. А. Стандартизация управления оценочной деятельностью на основе использования схематических изображений при осуществлении *due diligence* – комплексной методики управленческого консалтинга // Вопросы гуманитарных наук. 2010. Вып. 4 (48). С. 29-30.

УДК 80/81.246.2

Филологические науки

В статье исследуется диалектная лексика, которая зафиксирована в двуязычных словарях татарского языка XIX века. Наличие диалектальных слов в словарях свидетельствует о том, что они были адресованы народам разных областей, и что этими словарями могли пользоваться представители различных диалектов и говоров. В XIX веке только начинали формироваться границы распространения диалектов, некоторые слова были зафиксированы в рукописных словарях, именно их и могли рассматривать авторы. Диалектальные слова, зафиксированные в татарско-русских словарях XIX века, активизируют единицы местных говоров и увеличивают богатство литературного языка.

Ключевые слова и фразы: татарско-русские словари; XIX век; диалектная лексика; тематика диалектных единиц; арабо-персидские заимствования; русско-европейские единицы.

Альфия Шавкетовна Юсупова, д. филол. н., профессор

Кафедра теории перевода и речевой коммуникации

Институт филологии и искусств

Казанский федеральный университет

alyusupova@yandex.ru

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА[©]

Статья выполняется в рамках гранта РФНФ 12-14-16004 а.

Важную роль в развитии лексики литературного языка играют его диалекты и говоры. Употребление в речи диалектальных слов с целью обогащения литературного языка приводит к сознательному развитию его мелодики. Известный учёный М. Закиев достоверно определяет роль диалектов в увеличении лексического богатства литературного языка [5, с. 22].

Языковая связь между письменной и разговорной формой литературного языка берёт своё начало ещё с древних времён. Несмотря на то, что относительно их не существовало единых устойчивых норм, общезыковые правила различных этнических групп, народов формировались на протяжении многих веков. В результате сравнительного исследования этих двух форм языка было открыто явление, характерное для национального литературного языка – закономерность взаимоотношений между литературным языком и диалектами.

Литературный язык, как правило, совершенствуется и обогащается за счёт ежегодного увеличения своих внутренних ресурсов в процессе взаимовлияния и взаимосвязей с другими языками. В этом плане местные говоры имеют особое значение и являются неиссякаемым источником в процессе развития языка. Он всегда находится в тесной связи с говорами, тем самым оказывая большое влияние на них и, в свою очередь, одновременно обогащаясь за их счёт. Прежде всего это относится к лексическому составу языка.

В связи с ростом просветительского движения в общественной жизни татарского народа, подъёмом в области культуры и науки и формированием новых общественных отношений в языке произведений

художественной литературы происходят значительные изменения. В XIX веке начинается широкое функциональное развитие в области стилей, где наблюдаются ещё большая устойчивость языковых норм, увеличение национальных особенностей и внутренних возможностей языка, а также широкое употребление в речи различных стилистических методов. Процесс использования словарного богатства в произведениях художественной литературы протекает на основе древних традиций и особенностей разговорной речи. Широкое распространение получает употребление синонимичных по значению слов [22, с. 156], среди которых находят своё место заимствованные единицы и диалектальные лексемы.

“...Первые татарскоязычные словари составлялись на основе отдельных говоров. К таким работам можно отнести словари Дамаскина (1785), И. Гиганова (1801, 1804), Н. П. Остроумова (1876, 1892), А. Воскресенского (1894)”, – упоминает Л. Т. Махмутова [18, б. 5]. Она подчёркивает значительную историческую ценность данных словарей и тот факт, что они были основаны на лексике сергачских мишар, крещёных татар и татар Восточной Сибири [Там же].

Представители различных местных и общественных диалектов попадают под влияние нового языка, то есть в тот момент их речь была вынуждена развиваться под воздействием других языков и в какой-то степени оказывать некое влияние на язык представителей других диалектов. Такого рода процессы приводят к ликвидации чётких границ различных форм существования языка. С одной стороны, исчезает книжная форма культурной речи, а с другой стороны, это приводит к слиянию литературного языка с разговорной речью.

Именно поэтому в татарско-русских словарях XIX века значительное место отводится диалектальной лексике. Распределение данных слов, согласно поставленной цели, по тематическим группам и объяснение их значений дают возможность выведения некоторых умозаключений, представляющих, на наш взгляд, значительный интерес для современной науки.

Самое большое количество диалектальных единиц занесено в словарь И. Гиганова. И это естественно, потому что данный труд был составлен на территории Сибирских татар, в результате чего большое место в нём занимают единицы, характерные для местных говоров.

Распределение диалектальных единиц, зафиксированных в татарско-русских словарях XIX века, по тематическим группам, на наш взгляд, создаст благополучные условия для дальнейшей работы.

Названия природных явлений, деревьев, животных, птиц и насекомых: например, **аннь** – зверь [4, с. 36], **ургачы** – самка [Там же], **иргакъ** – сомець [Там же], **кяркадань** – единорогъ [Там же], **юша** – олень [Там же], **акъкиякъ** – дикая коза [Там же], **уршянь** – ласка [Там же, с. 37], **варте** – бурундук [Там же], **буга** – порось [Там же], **симяляк** – овчарка [Там же]. Слово **ан** не сохранилось в современном языке в значении “животное”, а имеет своё существование лишь в качестве древнего корня в таких словах как *куян, арыслан, болан, эрлэн, йомран*. В Тюменской области слово **симэлэк** употребляется в значении “маленькая собака”, а в Тобольском районе в значении “овчарка” [21, с. 190]. В Тюменской области вместо литературного слова **болан** функционирует такое слово как **йуша** [Там же, с. 87].

Названия растений: **тилбадан** [4, с. 41], **кузук агаце** [Там же], **турнакузия** [Там же], **кунлук агаце** [Там же], **мэшкэ** [Там же], **тирак** – сосняк [Там же], **карагай** – сосна [Там же], **тетъ агачъ** – листовница [Там же], **күсүкъ агачъ** – кедр [Там же, с. 42], **байланъ** – пихта [Там же], **мыщрь** – ребина [Там же], **муиль** – черемуха [Там же], **карагат** – смородина [Там же], **астыхвань** – малина [Там же], **етьбурунь** – шиповник [Там же], **уцкаты** – жемолость [Там же], **ляплябель** – свекла [Там же, с. 48], **зыртак** – морковь [Там же], **торобъ** – редька [Там же], **кынь** – стручокъ [Там же], **няня** – мята [Там же], **маруль** – салатъ [Там же], **кукнар** – макъ [Там же], **ашзык** – ящмень [Там же, с. 49], **крють** – пшено [Там же]. Как видно, названия растений особенно отличаются своим своеобразием. Такие слова как **нэнэ, мыщыр, астыган, уцкат, сэртэк** считаются лексическими единицами, характерными лишь для говоров Сибирских татар.

Названия посуды: **ашлавъ** – корыто [Там же, с. 9], **капкыр** – половник [Там же, с. 7], **цамбяръ** – обруч [Там же, с. 9], **шабаля** – ложка [Там же], **тарчумаль** – утюгъ [Там же, с. 10]. **Бадьян** употребляется в значении посуды, изготовленной из дерева [10, с. 55; 11, с. 32]. Слово **бадьян** на сегодняшний день сохранилось лишь в диалектах татарского языка. Например, в заказанском и атнинском говорах **бадьян** обозначает «деревянная посуда» и употребляется именно в этом же значении. В томбовском говоре бадьяном называют деревянное ведро [19, б. 42]. **Лянгыз** [11, с. 146] в современном литературном языке уже не употребляется, но в определённых говорах (чистопольский, дрожжановский, кряшенский) некоторых областей данное слово находится в активном употреблении и также обозначает маленькое ведро, предназначенное для переноса воды и другой жидкости [18, б. 294].

В словарях XIX века зафиксировано несколько вариантов слова **половник**. Н. Остроумов предложил вариант **табак кашыгы** [10, с. 185], а К. Насыири – **бакрач** [8, с. 14]. Вышеперечисленные слова и по сей день продолжают своё существование в различных говорах. В заказанском – мамадышском – говоре употребляется слово **табак кашыгы** [19, б. 134], в карсунском говоре – **сапляк** [Там же, б. 263], в каргалинском, стерлетамакском – **бакрач** [Там же, б. 43], а также в заказанском и чистопольском говорах [18, б. 65].

К словам, обозначающим посуду, можно отнести такие лексические единицы как **жилпуч** – лоток [25, с. 19], **кэрнэшэ** – кузовок [11, с. 111], **жэйлэу** – чайное блюдечко [Там же, с. 88], **тустаган** [8, с. 66], **чапчак** – кадка [24, с. 101], **кулаша** – лоток [Там же, с. 77]. Названия посуды, составляющие отдельную группу в лексико-семантической классификации диалектальных слов, употребляются в различных говорах и нашли своё

отражение в диалектологических словарях татарского языка. Некоторые из них, например, слово **чапчак**, сохранились в топониме **Кызыл Чапчак** [15, б. 205].

Среди диалектальных единиц есть и слова, относящиеся к **строению человеческого тела**: слово **түмәнкә** в составе составного слова **түмәнкә кабак** – подглазница [4, с. 27] в восточном диалекте употребляется в значении **түбән** (низкий). Здесь наблюдается чередование м~б [21, с. 220]. **Самай** – виски [4, с. 27] встречается в восточном диалекте [21, с. 184]. **Йаурун** – крыльца [4, с. 28] в диалекте Сибирских татар употребляется в значении плеча, затылка и спины [21, с. 73]. Также это слово встречается и в мишарском диалекте. **Ашик** – лодыжка [4, с. 29] в мишарском диалекте (сергачский, лембринский, хвалынский говор) употребляется в значении щиколотки [21, с. 35]. В дрожжановском говоре слово сохранилось в составе таких единиц как **ашык уены**, **ашык уйнау**. Слово **йанбаш** представлено в значении холки, бедра [4, с. 29], а в восточном диалекте обозначает тазовую кость [21, с. 68]. Слово **аймамь** – горсть [4, с. 28] в кукрендинском и чебуркинском говорах восточного диалекта употребляется в значении «ладонь» [21, с. 19]. Слово **күксә** – грудь [4, с. 28] в форме **күксә/көгүс** в восточном диалекте даёт значение грудной клетки [21, с. 167]. Данное слово также встречается в мензелинском говоре среднего диалекта, и на его основе образовывается новое слово **күксәү** [18, б. 281]. **Моча** – туловище [4, с. 29] в произношении Сибирских татар представлено в виде **моца** и даёт значение человеческого тела [21, с. 153]. **Иликь** – кость пустая [4, с. 26] в восточном диалекте употребляется в значении голень (**йелек сүйәк**) [21, с. 78]. **Симгирюкь** – возри [4, с. 27] на языке Сибирских татар произносится как **сиңгир** и обозначает сухожилие. Здесь наблюдается чередование мг~н.

Названия профессий: **ашманцы** – хорчевник [Там же, с. 35], **кун** – служанка [Там же, с. 33], **уй игасы** – хозяин [Там же], **кура тун** – монах [Там же], **анксе** – охотник [Там же, с. 34]. Следует отметить следующее: слова, входящие в данную группу, зафиксированы лишь в словаре И. Гиганова и по количеству составляют меньшинство по сравнению со словами других групп. Это можно объяснить тем, что названия профессий в словаре в основном представлены заимствованной лексикой, в частности, арабскими и персидскими словами.

Следующую группу составляют слова, относящиеся к строительству, строению дома, предметам обихода, к которым относятся такие лексические единицы как **чалгый**, **эндәрә**, **кәбен**, **кундыр**, **түмгәк**, **күпчек**, **тумыран**, **богыл**, **арча**, **лачинка**, **төшлек** и др. **Кундыр** обозначает гостевую комнату [10, с. 94; 11, с. 94]. Слово **кундыр** невозможно встретить в литературном языке, оно употребляется лишь в диалектах. Например, **кундырга урнаштык** – так разговаривают заказанские крещёные татары [19, б. 142]. **Күпчек** представлено в значении «подушка» [10, с. 97; 11, с. 139]. В словарях Н. Остроумова данная лексическая единица представлена вариантами **күбчек/күпчек** и обозначает маленькую подушку без вышивки на наружной стороне или же обрамлённую кружевами [19, б. 304]. В современном литературном языке это слово употребляется довольно-таки редко, в диалектах же оно представлено в различных вариантах. Например, в говоре камских крышен оно дано в форме **күпчек/күпчик**, в дрожжановском, ульяновском говорах – в форме **күпчек** [Там же, б. 207]. Для слова **тумыран** характерно значение полена или пенька [10, с. 125; 11, с. 106]. В современном литературном языке это слово уже не существует, но активно употребляется в диалектах и говорах крещёных татар [19, б. 307] в значении грубо распиленного дерева [14, б. 164]. **Богол** обозначает «стог сена» [10, с. 59; 11, с. 44]. В словарях Н. Остроумова это слово зафиксировано в вариантах **богол/богон**. Несмотря на то, что слово **богол** в современном литературном языке уже не употребляется, оно сохранилось в диалектах татарского языка. Например, в кузнецком, хвалынском, дрожжановском говорах активно употребляется лексическая единица **булеклек** [18, б. 90], которая несёт значение стога сена, сделанного в конусообразной форме [15, б. 173]. **Лачинка** – приспособление, предназначенное для перевозки соломы [10, с. 100; 11, с. 145]. Данная лексическая единица не сохранилась ни в литературном языке, ни в разговорной речи сегодняшнего дня. Слово **лачинка/лачынка** относится лишь к говорам, в частности, оно активно употребляется в заказанском, мензелинском говорах и речи уральских татар [18, б. 251], где обозначает приспособление, необходимое для каких-либо целей. **Жилдергә** употребляется в значении «лыжи» [10, с. 72]. На сегодняшний день его не используют как в литературной речи, так и в диалектах. А в XIX веке оно имело активное употребление и обозначало именно это понятие. **Жилдырга** в фонетическом варианте **йелтер** в значении «лыжи, коньки» употребляется в чувашском языке. Возможно, чувашское слово **йелтер**, которое произошло от марийского **йолтер** (от *йол* «нога» + *тер* «сани»), т.е. ножные сани, соответствует значению татарского слова **жилдергә** – лыжи, зафиксированного в словаре Н. Остроумова.

Среди слов, относящихся к **строению дома, домашней утвари и хозяйству**, определённое место занимает диалектальная лексика. Например, **гюрнячя** [Там же, с. 58] даёт значение русскоязычного слова «горница». Сейчас же оно употребляется в темниковском, карсунском, дрожжановском говорах мишарского диалекта в форме **гуринча**, претерпев при этом определённые изменения [19, б. 80]. А литературное слово **баз** в словарях XIX века представлено в нескольких вариантах. Ш. Габделгазиз [3, с. 20] и К. Насыйри [9, б. 130] указали его как **нәүрәп**, а Н. Остроумов – **пугарәп** [10, с. 395]. Оба этих слова произошли от русскоязычного слова «погреб». В варианте **пугарәп** наблюдается один из видов позиционных изменений – эпинтеза. Данное слово активно в говорах мишарского диалекта [18, б. 251]. Слово **нәүрәп** в мелекесском, чистопольском, нагорном говорах, а также в говорах Оренбургских мишар употребляется в значении «погреб» [Там же, б. 324]. А в дрожжановском говоре мишарского диалекта слова **нәүрәп** и **пугарәп** используются параллельно. В говорах мишарского диалекта также существует вариант **нүгрәп** слова **нәүрәп** [Там же, б. 325]. В словах **пугарәп** – **нәүрәп** наблюдается чередование /г /~/w/. Оно характерно для кыпчакских языков и систематически встречается в памятниках кыпчакской письменности [23, б. 111].

В татарском языке есть несколько значений слова **йорт**: 1) здание; 2) семья; 3) государство, родина; 4) двор [15, б. 461]. В словаре Н. Остроумова [10, с. 48] слово **йорт** представлено в значении “двор”. В том же значении **йорт** - двор активно употребляется и в говорах мишарского диалекта [19, б. 115]. Слово “сени” в словаре Ш. Габделгазиза [3, с. 20] представлено в форме **кэжэнкэ**. Оно активно употребляется в минзелинском, нагорном говорах [19, б. 199].

В эту тематическую группу можно отнести такие слова как **жарка** - плаха [10, с. 70; 11, с. 189], **уймыр** - полукруглое долото [11, с. 214], **бөгэджэ** - коромысло [Там же, с. 44]. На сегодняшний день данные единицы сохранились в заказанском говоре крещёных татар.

Среди зафиксированных в словаре слов, относящихся к сфере построения домов, домашней утвари и хозяйства, можно наблюдать наличие значительного количества языковых единиц, которые в XIX веке относились к активной лексике языка, а в настоящее время уже вышли из употребления или же сохранились лишь в определённых говорах и диалектах.

Среди слов, представленных в словаре, есть и такие, которые обозначают **одежду, ткани и предметы туалета**. Например, **бишбармак** - перчатки [23, б. 31], **ката** - валенки [9, б. 84], **тирэк** - узор [Там же, б. 45], **сырга** - серьги [11, с. 182], **чөлкэ** - чулки [6, с. 6], **күтэрмэ** - каблук [24, с. 14], **түнбрак** - платье [4, с. 16], **екта** - халат [Там же, с. 12], **тамбал** - штаны [Там же, с. 17], **ишим, пайпак** - чулки [Там же], **атуз** - ичиги [Там же], **кябысь** - башмак [Там же], **кялябаш** - дивичий калпак [Там же, с. 18], **кяктя** - прикопотки, носки к чулкам [Там же], **кытат** - китайка [Там же], **макмал** - бархат [Там же], **сыраус** - подтяжка на волосах [Там же], **кортя** - фуфайка [24, с. 80], **айнэк** - очки [4, с. 3], **мун жака** - ожерелье [11, с. 150], **тамакса** - ожерелье [Там же, с. 188], **чачак** - девичий головной убор [Там же, с. 225], **сягательмя** - часы [24, с. 56]. Среди названий одежды наблюдается наличие этнографизмов.

К данной группе относятся и такие слова как **кэйтан, олтан, астар, кэвеш** и др. **Кэйтан** обозначает верёвку из позумента [10, с. 99; 11, с. 144]. В словаре Н. Остроумова зафиксированы и варианты **кайтан/кэйтэн/гайтан**. Это слово не употребляется в современном литературном языке, оно лишь сохранилось в некоторых говорах. Например, в языке заказанских лаишских и крещёных татар и татар Зауралья используется вариант **гайтан/кэйтэн**, который несёт то же самое значение [11, с. 18]. **Астар** обозначает подкладку женского головного убора. Это слово редко встречается в литературном языке, но при этом считается активной лексической единицей во многих говорах татарского языка. Например, оно относится к заказанскому, балтасинскому и камышинскому говорам, где обозначает внутреннюю сторону головного убора [18, б. 30]. Р. К. Рэхимова слово **астар** даёт в фоме **тастар** и объясняет его как “платок, вышитый как полотенце” [12, б. 79]. Слово **астар (тастар)** в говорах мишарских и астраханских татар обозначает «платок, подвязываемый под головной убор» [1, б. 118]. **Олтан** - нижняя часть обуви в форме подошвы [10, с. 106; 11, с. 157]. Эта единица употребляется и в современном литературном языке, но особенно часто используется в лексиконе заказанского и камышинского говора [19, б. 235, 467]. **Кэвеш** - старинная обувь, сшитая из плотной кожи и толстой подошвы [10, с. 100; 11, с. 4]. Раньше носок такой обуви делали острым и подогнутым кверху. Её, как правило, одевали поверх сафьяновых или суконных сапог. Поэтому эти два названия, употребляясь в форме парного слова, несут собирательное значение - **кэүеш-читек** [12, б. 94], мягкая обувь без голенища [16, б. 247]. В некоторых говорах обуви, которую надевают при выполнении домашних дел, также присваивает иное название - **кэүеш**.

Слово **ката** - **тепекэй** [19, б. 132] встречается в ичкинском [18, б. 193], **чөлкэ** (от русского слова “чулки”) - в заказанском, гайском и заинском говоре крещёных татар [Там же, б. 505], а слово **күтэрмэ** употребляется в нагорном, мелекесском и камышинском говорах [Там же, б. 287].

Таким образом, в лексике словарей конца XIX века собрано значительное количество слов, обозначающих одежду и украшения. Многие из них превратились в более пассивные единицы, то есть свою активность они проявляют лишь в определённых говорах татарского языка. Для слов из этой группы характерно наличие фонетических вариантов.

Большое место в словаре предоставлено словам, обозначающим названия **продуктов питания и пищи**. К этой группе относятся такие лексические единицы как **дурчмак, корт, бөкмэ, кортым, айбагар, талкан**. **Дурчмак** - круглый белый хлеб [10, с. 67; 11, с. 62]. Слово **дурчмак** не употребляется в современном литературном языке, но во многих говорах выполняет роль активной лексической единицы. Здесь наблюдается разнообразие значений данного слова. Например, в мамадышском и говорах елабужских татар оно представлено в варианте **дучмак**, в минзелинском говоре - **дүречмак**, а в тарханском говоре - в варианте **дүртпочмак** [22, с. 38]. Если в одной области **дурчмак** обозначает «калач, испеченный из дрожжевого теста», в другой же - «четырёхугольный пирог из теста со сладкой начинкой». **Корт** обозначает «сыр» [10, с. 92; 11, с. 127]. В современном литературном языке **корт** - кушанье, красный творог, приготовленный путём кипячения скисшего молока на медленном огне [16, б. 161], и это слово в современном литературном языке уже не употребляется в том значении, которое было зафиксировано в словарях XIX века (**корт** - сыр), кроме минзелинского говора, где оно обозначает молочный продукт, приготовленный путём высушивания и скатывания в форме лепёшки [19, б. 139]. **Айбагыр** обозначает подсолнечник [10, с. 64; 11, с. 6]. Эта лексическая единица активно употреблялась в речи татар в XIX веке, поэтому она занимает место практически во всех словарях того периода. В современном литературном языке слово **айбагыр** уже не употребляется, но в определённых областях, в особенности в мишарском диалекте, встречаются фонетические варианты **айбагар/айбагыр** [19, б. 21]. Например, если слово **айбагыр** активно употребляется в мелекесском и

хвалынском говорах, то в чистопольском, дрожжановском и ульяновском говорах его фонетический вариант **айбагар** используется в качестве синонима слова **көнбагыш** (семечки) [15, б. 29]. **Талкан** употребляется в значении толокно [10, с. 118; 11, с. 187]. Если в говоре крещеных татар чаще встречается вариант **таңкал**, в темниковском, нурлатском говорах – **тонкал**, то в чистопольском говоре преобладает форма **талкан/толкан**, которая обозначает процесс очищения зёрен от соломы путём размалывания стебля волокнистого растения [23, б. 139]. **Талкан** изготавливают путем накаливания пшеничной и гречневой муки и добавления в них солёной воды.

К словам, обозначающим названия продуктов питания, зафиксированным в словарях второй половины XIX века, можно также отнести следующие диалектизмы: **ачыткы** - квас [6, с. 2, 14], **бөккән** - пирог [2, с. 13; 6, с. 16; 8, с. 33], **гердә** - булочка [6, с. 16; 10, с. 64], **дучмак, дурчмак** - лепешка [10, с. 67], **лэвэш** - сладкий пирог [8, с. 100], **тэбикмэк** [11, с. 211], **кашык чумары** - клецки [24, с. 135], **жуача** - оладьи [11, с. 82], **пирмәнке** - пилмән [6, с. 13], **саум** - свадебный гостинец [11, с. 172], **бирамаш** - праздничное кушанье [20, с. 197], **лэух чэй** - кирпичный чай [8, с. 100], **пираш** - пиво [20, с. 255], **сэртэ** - суп, бульон [4, с. 14; 20, с. 570], **цюцю** - сусло [4, с. 15], **эштей** - щи [2, с. 13; 6, с. 17], **кырындык** - крошка [8, с. 88], **согон** – угощение с руки [11, с. 175].

Поясним некоторые лексические единицы: слово **гердә** проникло в татарский язык из персидского. Употребляется в говорах среднего диалекта. В нагорном-нурлатском, заказанском-лаишевском говоре обозначает хлеб небольшой формы, предназначенный для милостыни, а в заказанском говоре крещеных татар – хлеб, булочка или калач, выпеченный в день похорон или же в день поминок [18, б. 117]. Слово **саум** в заказанском, нагорном, камышинском, мелекесском, чистопольском, дрожжановском, мордва-караатайском говорах, а также в говорах крещеных татар обозначает еду, гостинец, который обычно приносят на свадьбу [Там же, б. 353].

Слово **согон** – угощение с руки [11, с. 175], зафиксированное в словаре Н. Остроумова, сохранилось с небольшими изменениями в говорах Сибирских татар. В работе Д. Г. Тумашевой отмечено два значения этого слова: 1) желание есть, ненасытность; 2) вкусить пищу [21, с. 191].

Многие из названий пищевых продуктов, блюд, включенных в словари того периода, в настоящее время относятся к заказанскому говору крещеных татар, кузнецкому, темниковскому, мишарскому говорам татарского языка.

Большого внимания заслуживают **термины родства**, зафиксированные в двуязычных словарях. К ним относятся следующие лексические единицы: **тута** - тетка [8, с. 45], **печкө** - свекровь [11, с. 161], **бенем** - свекровь [10, с. 58; 11, с. 39], **печкэчэ** - своячина [8, с. 67], **жанагай** - деверь [6, с. 6], **тутай** - сестрица [10, с. 125], **тыума** - потомок [Там же, с. 126], **олан** - сын, дитя [Там же, с. 105], **бикэч** - супруга [25, с. 57]. Слово **бикэч** в дрожжановском говоре употребляется в значении молодой девушки [19, б. 54]. В словаре М. Юнусова оно представлено в составе словосочетания **бикэч түшэге** [25, с. 57]. Большая часть данных слов употребляется в говорах крещеных татар.

Слово **дядяй** представлено в значении дядя [10, с. 62; 11, с. 53]. Данная лексическая единица не употребляется в современном литературном языке, но активно используется в разговорной речи [15, б. 318]. В говорах нагорных крещеных татар употребляется форма **дад'у/дядяу** [1, б. 90], в кузнецком, сергачском, темниковском, мамадышском говорах встречаются варианты **дэди/дэдэй** [18, б. 131]. **Тютэй** в словаре Н. Остроумова употреблено в значении сестры [10, с. 125; 11, с. 206]. Данная лексическая единица сохранилась лишь в диалектах. Такие варианты слова **түтэй**, как **сытытай/сытый/тутай/тэтэ/начтутай** – **насия тутай** активно употреблялись и в старотатарском литературном языке. В нагорном говоре крещеных татар употребляются варианты **т'ит'у/тейтау (тути)** [1, б. 91; 19, б. 450]. **Тутай** сохранилось в корне фамилии Туттаев, а также в названии деревни Тутай Апастовского района Республики Татарстан [13, б. 73]. **Печкэ** - свекровь [10, с. 108; 11, с. 161]. Данная лексическая единица очень часто встречается в словарях XIX века. В современном литературном языке этого слова уже нет, но оно сохранилось в определенных говорах татарского языка. Например, в говоре крещеных татар активно употребляется слово **печкэ**, которое также обозначает свекровь. Крещеные татары Нагорья словом **печкэ** обращаются к свекрови, а **печкэчэ** служит у них обращением к младшей сестре мужа [1, б. 92]. **Олан** – дитя [10, с. 105; 11, с. 156]. Данная лексическая единица не употребляется в современном литературном языке. В диалектах и говорах она представлена в вариантах **олан/огълан**, которые дают значение молодого парня, юноши. Это слово чаще встречается в мишарском диалекте и минзелинском говоре [18, б. 326], где отличается своей многозначностью. В тюркских языках существуют следующие варианты данного слова: азерб. **оглан**, туркм. **олган**, туркис. **оглан**, в турец. языке данная лексическая единица обозначает слугу, в гагауз. **оглан**, казах. **улан**, алт. **удлан**, татар. **олан** (маленький ребёнок). В памятниках древней письменности данная лексическая единица употребляется в значении дитя. **Ан** считается архаичным показателем множественного числа. В наше время с помощью слова **олан** иногда в знак уважения обращаются к взрослым и пожилым людям [2, с. 466]. **Оглан** > **огул** – титул представителей рода Чингиз хана, не заседавших на ханском престоле. Название деревни Чукри Уланова также произошло от этой основы [13, б. 83]. **Тыума** представлено в значении «род» [10, с. 126; 11, с. 208]. На сегодняшний день данная лексическая единица употребляется лишь в говорах татарского языка. Например, в хвалынском говоре сохранился вариант **тума** [18, б. 425]. Данное слово обозначает род, потомство, человека, выросшего в том или ином месте или родом из определенной местности [14, б. 163].

Кэбен представлено в значении бракосочетание [10, с. 99; 11, с. 193]. Считается, что слово **кэбен** ещё с древних времён проникло из персидского языка [1, б. 157], но в настоящее время считается активной лексической единицей в мишарском диалекте и говоре глазовских татар [18, б. 266], где обозначает процесс бракосочетания по правилам христианской религии [16, б. 247]. Слово **кэбен** также употребляется в языке той части татарского народа, которая сохранила в себе наиболее древние традиции, а именно в нократском и пермском говоре, где **кэбен** обозначает венчание по мусульманским традициям. В других языках слово **кэбен** имеет разные значения. Например, в персидском **кабин** – законный, в кумыкском языке **гебин** – женщина, а в говоре нугайбекских кряшен **кэбенгэ керу** обозначает «бракосочетание в церкви» [1, б. 27].

Такие единицы как **сүрәлекэ**, **бөгелжэ**, **билге** можно отнести к группе слов, обозначающих **отдельные предметы**. **Сүрякя** обозначает черпак с сеткою для ловли рыбы [10, с. 117; 11, с. 183]. Но это значение не соответствует его значениям в диалектологических словарях. В дрожжановском говоре мишарского диалекта слово **сорэка** используется в том же значении, в котором оно зафиксировано в словаре Н. Остроумова, а в диалектологическом словаре это слово не зафиксировано. **Богялжэ** обозначает кольцо [10, с. 44]. Оно не употребляется в современном литературном языке, но сохранилось в некоторых его говорах. Например, данная лексическая единица активно употребляется в говоре пермских татар, где обозначает незамкнутое кольцо или же предмет полукруглой формы [15, б. 213; 19, б. 65]. **Билге** – значок, предмет со специальным обозначением [10, с. 56; 11, с. 42]. В современном литературном языке слово **билге** обозначает знак, а в толковый словарь данная лексическая единица занесена в значении «изображение или рисунок, служащий символом и знаком какого-либо предмета» [15, б. 163]. В стерлетамакском говоре слово **билге** обозначает понятие «значок» [19, б. 54].

Авторы-миссионеры использовали диалектальную лексику с целью избавления от арабско-персидских заимствований, потому что они, прежде всего, стремились внедрить в литературную речь слова из лексики крещеных татар. Например, слово **кэбен**, относящееся к лексике крещеных татар, в современном татарском литературном языке заменено арабским словом **никах**.

Диалектальная лексика занимает довольно большое место и в словаре А. Торянского. Эти единицы отличаются своей древностью и редкостью. Их невозможно отнести к определенному диалекту, так как они сохранились в различных диалектах и говорах. Например, **чэрэчэ** – крыльцо [3, с. 463] не существует в современном языке, а сохранилось лишь в минзелинском говоре среднего диалекта, а именно в Агрызской местности, где обозначает предбанник, не зафиксировано в диалектологических словарях. Это очень древнее слово было отмечено ещё в словаре Махмута Кашгарый в том же значении. По этому поводу М. Ногман пишет: «раньше вместо лампы зажигали лучину. Заранее подготовленная, она хранилась в сених. Исходя из этого, сени должны были называться **чырача**» [9, б. 103]. К диалектальным словам относятся: **керчемэ** – мед варенный, сладкий [2, т. 2, с. 154], **күнэ суы** – ртуть [Там же, с. 188], **лэвэш** – сладкий пирог [Там же, с. 202], **бармакча** – перчатки [Там же, т. 1, с. 182], **тирэк** – узор [Там же, с. 303], **чемэк** – гвоздь бочечный, **максыма** – пиво [Там же, т. 2, с. 224], **йылдырым** – гром [Там же, с. 339], **ярка** – плаха [Там же, с. 314], **жэуер** – род, поколение [Там же, т. 1, с. 395], **ачыткы** – квас [Там же, с. 12], **сан** – часть тела, член телесный [1, б. 29; 2, т. 2, с. 612] и др. единицы. Вышеупомянутые примеры и по сей день активно употребляются в разных диалектах и говорах татарского языка. Например, **чемэк** в нагорном, мелекеском, дрожжановском говорах обозначает деревянную пробку в бочке или пивных горшках [18, б. 480], **ярка** – в минзелинском и гайском говорах – расколотое дерево [Там же, б. 167], **күнэ суы** – в заказанском, нагорном говорах – ртуть [Там же, б. 285], **лэвэш** – в заказанском, каргалинском говорах – пирог [Там же, б. 293], **йылдырым** – в говоре сибирских татар – молния [21, с. 90], **максыма** – в заказанском-лаишском и нагорном говорах – пиво, приготовленное в домашних условиях [18, б. 298], **керчемэ** – в дрожжановском говоре – настойка [Там же, с. 239].

Многие словари XIX века были составлены в качестве словарей литературного языка. Но, несмотря на это, с точки зрения сегодняшнего дня, в них имеются и слова, относящиеся к диалектальной лексике. Причины этого явления можно обосновать: авторы словарей зафиксировали слова, относящиеся к лексике той местности, откуда сами были родом (К. Насыри, М. Юнысов). Вероятно, они считали эти слова нормой литературного языка и сознательно стремились внедрить диалектальную лексику в свои словари.

В словарях И. Гиганова в основном представлена лексика, относящаяся к восточному диалекту. Это, прежде всего, объясняется местом жительства и работы автора. Среди слов в словарях имеют место арабско-персидские заимствования и единицы, относящиеся к другим тюркским языкам, а также фонетические варианты литературных слов.

Большую часть диалектальных слов, зафиксированных в словарях XIX века, составляют татарские слова. Большинство из них состоят из древних слов, а также употребляются в других тюркских языках.

Помимо русских слов общенародного языка, в татарских диалектах наблюдается наличие большого количества слов, проникнувших напрямую из говоров русского языка. Диалектальные слова, проникнувшие из говоров русского языка, в разных языках зафиксированы по-разному.

Диалектальные единицы арабско-персидского происхождения, зафиксированные в словарях XIX века, в основном, относятся к области науки, культуры и религии, они, в свою очередь, подчинены фонетическим законам того или иного говора.

Словари XIX века дают уникальную возможность представить диалектальные особенности языка прошлого столетия. Они нашли отражение в современных диалектологических словарях. Это явление служит доказательством сравнительно медленного изменения разговорной речи того времени.

Диалектальные особенности и слова, сохранившиеся в нашем языке, отражают исторические связи тюркских народов, племён, этнических групп, в целом, древнюю эпоху. Со временем, диалектальные слова перешли в общенародный язык, затем, всё более расширяя сферу своего употребления, проникли в литературный язык.

Список литературы

1. **Баязитова Ф.** Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. Казан: Матбугат йорты, 1997. 248 б.
2. **Будагов Л.** Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: в 2-х т. СПб.: Тип. АН, 1869. Т. 1. 810 с.; СПб.: Тип. АН, 1871. Т. 2. 415 с.
3. **Габдельгазиз Шигабутдин.** Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь. Казань, 1893. 72 с.
4. **Гиганов И.** Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные. СПб., 1801. 75 с.
5. **Закиев М. З.** Некоторые вопросы развития татарского литературного языка // Вопросы татарского языкознания. Казань, 1965. С. 5-38.
6. **Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом.** Казань, 1880. 55 с.; 1882. 55 с.; 1886. 96 с.; 1888. 96 с.; 1891. 96 с.
7. **Кукляшев С.** Словарь къ татарской хрестоматии. Казань, 1859. 106 с.
8. **Насыри К.** Татарско-русский словарь. Казань, 1878. 120 с.
9. **Ногман М.** XVII–XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. 112 б.
10. **Остроумов Н. П.** Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1876. 145 с.
11. **Остроумов Н. П.** Татарско-русский словарь. Казань, 1892. 246 с.
12. **Рахимова Р. К.** Татар теленең һөнәрчелек лексикасы. Казан: Тат. кит. нәшр., 1983. 159 б.
13. **Саттаров Г. Ф.** Татар антропонимикасы. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. 278 б.
14. **Саттаров Г. Ф.** Татарстан АССРның антропотопонимнары. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1973. 305 б.
15. **Татар теленең аңлатмалы сүзлеге:** 3 томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. Т. 1. 475 б.
16. **Татар теленең аңлатмалы сүзлеге:** 3 томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. Т. 2. 726 б.
17. **Татар теленең аңлатмалы сүзлеге:** 3 томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. Т. 3. 832 б.
18. **Татар теленең диалектологик сүзлеге.** Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. 643 б.
19. **Татар теленең диалектологик сүзлеге.** Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 459 б.
20. **Троянский А. А.** Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ речений арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниемъ учителя татарского языка въ Казанской семинарии священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволения комисии духовныхъ училищъ. Казань, 1833. Т. 1. 629 с.
21. **Тумашева Д.** Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с.
22. **Хайрутдинова Т. Х.** Названия пищи в татарском языке. Казань: ИЯЛИ, 1993. 141 с.
23. **Хаков В. Х.** Тел – тарих көзгесе. Казан: Тат. кит. нәшр., 2003. 295 б.
24. **Этимологический словарь чувашского языка.** Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.
25. **Юнусов М.** Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений. Казань, 1900. 115 с.

УДК 336.221

Экономические науки

В статье представлено развитие взглядов научных школ на функции налогов и их значимость в процессе государственного регулирования экономики. Рассмотрены позиции зарубежных и отечественных ученых относительно воздействия налогов на развитие промышленности и выявления их стимулирующих возможностей.

Ключевые слова и фразы: налог; налогообложение; налоговая политика; фискальная и регулирующая функции; государство; промышленность; регулирование; стимулирование; инвестиционная активность.

Эльвира Владимировна Ягудина

Кафедра финансов и статистики

Российский государственный торгово-экономический университет

esme88@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ НАЛОГА КАК ИНСТРУМЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ[©]

В последнее время большое внимание уделяется инновационному развитию как одному из главных факторов интенсивного экономического роста. Являясь основной формой финансового обеспечения деятельности